

субъект

№ 1/2005

Журнал, который делаем мы

Трудно объяснить, что это вы держите в руках. У каждого человека есть потребность в самовыражении, но не у каждого есть такая возможность.

Мы поняли, что нам хочется делать что-то вместе: каждому — по своим причинам. И мы попробовали это сделать, и хотим попробовать дальше.

Перед вами «сборник» рассказов и размышлений, где одной из ключевых тем была попытка понять, что же такое «мы», которым захотелось что-то делать вместе...

Возможно, вам тоже захочется как-то себя выразить в предложенной форме, может, просто будет интересно, а может еще что. Прочтите!

Над номером работали:

Катя Еремеева
Настя Федотова
Саша Алов
Сева Чернозуб
Юля Акшенцева

Дизайн и иллюстрации:

Вика Ионова
Маша Егорова

Художественная верстка:

Михаил Минаев

Автор и организатор проекта:

Иосиф Фурман

ЧТО ТАКОЕ «МЫ»?

Как это здорово — быть одиноким! Можно встречать рассвет и закат, слушать тишину, проводить дни в покое и безмятежности а еще надо, чтобы рядом был кто-то, кому можно было бы рассказывать: как это прекрасно — быть одиноким...

Я не помню, чтобы в детстве я мучился от одиночества так, как сейчас. Придешь на день рождения и чувствуешь себя заброшенным только если не с кем поиграть, а поиграть — это значит побегать и попрыгать. Если у тебя нет партнера, разделяющего с тобой физическую активность, то тебе одиноко, а беситься, в принципе, все равно с кем, главное — увлечься.

Конечно, уходя, ты со смущением смотришь на своего раскрасневшегося и взъерошенного нового «приятеля» и испытываешь некоторую неловкость. Ну да, вы видели друг друга не в самом «человеческом» обличье, и хотя весело поиграли, он мне никогда не был особо симпатичен, этот мимолетный соратник по внезапному бешенству. Нехотя подаешь ему руку, конечно, ведь вам обоим завтра в школу, да и уроки не все сделаны. (Правда, какие там уроки в первых классах?) Нет-нет, было здорово, но неприятный осадок и некоторый стыд за себя все-таки остается. Осадок, что все-таки твой «друг» тебе непонятно чужд, а ощущения себя стыдящегося вообще ново, оно возникает редко и неожиданно. В детстве не часто задумывался о себе как о чем-то цельном и многогранном...

Зато ближе к концу школы созреваешь настолько, чтобы посмотреть на себя с большим интересом. Ты уже есть не просто прыгающий и визжащий элемент человечества, ты «почти личность». Выходит так, что ты с некоторым трудом сам получаешь о себе определенное представление — конечно, тут просто становится неудобно или страшно.

— Господи, это я такой? М-да... У меня здесь что-то не так, у Сереги поудачней слеплено. А тут, — мать моя! — надо подрезать, а то если увидят, страшно представить, что начнется... Они ж...

Начинается период столкновений с неожиданно окрепшим и решающим, кому жить, а кому нет, «они». (Это «они» присутствовало всегда и в детстве, но в конце школы происходит очередной передел социальных ролей и возникновение новых идеалов.) Уже легко вычисляешь, каких «они» мочат, какие не могут ужиться в джунглях, какие получают лидерство и лавры победителя, какие в конце концов просто удачно устроились и тихо живут.

Но тебе что-то мешает слиться с ними настолько, чтобы забыть о себе, о той мучительной неразделенности чего-то еще неясного с кем-то совсем неясным и избавиться от стыда, когда ты пытаешься развеселить себя самыми простыми и грубыми средствами.

Это самое «они» не терпит, когда его игнорируют — оно похоже на ревнивую женщину, часто пьющую и довольно энергичную в своем бесконтрольно жестоком веселье. Побившись о неприступное и жесткое «они» и прижившись настолько, насколько надо, чтобы тебя не трогали самого и иногда давали защищать других, вешаешь себе на шею большой груз, чтобы подольше не всплывать, и ныряешь в омут художественного мира.

Но в книге живешь от корешка до корешка, в песне — с первой ноты до последней, в фильме — с заставки до титров: и снова оказываешься там, откуда пытался сбежать. Тогда на тебя накатывает одиночество в полной мере. Думаешь о том, что либо в тебе что-то неправильно, либо просто ты попал не по адресу: тебе нужно не к «они», а к «мы»...

Этим летом по соседскому огороду бродил выводок быстро жиреющих домашних гусей.

Они, чем больше росли, тем больше воняли, и держались с каждым днем все дружнее. Через неделю можно было наблюдать ужасающую своей прямою картину. Если весь выводок чувствовал опасность, гуси, плотно прижавшись друг к другу, неуклюже текли в безопасное место, в общем ритме движения перепрыгивая через препятствия. Но если один гусь начал отставать, не сумев быстро перепрыгнуть через палочку, его охватывало безумие. Он бился о «заграждение», с криком размахивая бесполезными крыльями и вращая полными от ужаса глазами. Видя, что расстояние между ним и его друзьями продолжает расти, он в испуге усиливал прессинг на адский барьер, абсолютно не видя, что обойти его можно с двух сторон (минимум), и смотря только вперед, туда, где визжат и топчутся его родные. Он не мыслит себя без «мы»...

В жизни постоянно участвуешь в каком-то «мы», скорее даже во многих сразу, но все это участие занимает тебя не полностью. Ты присутствуешь в «мы» такой малой своей частью, что можешь легко от него оторваться и отвлечься, превратив это непрочное единство в «они». Бывает, застрянешь в троллейбусе в пробке за два метра от остановки, и упрямый водитель не желает открыть двери. Народ охватывает паника и отчаяние: кто плачет в маленькое окошечко для билетиков, кто угрожает сделать запасной выход, но все едины в своем порыве — выбраться из железной клетки. Ты можешь пойти на штурм кабины водителя или поохать с расстроившейся бабушкой — слиться со страдающими от бессилия людьми; или просто стоять и смотреть, отказываясь от коллективного чувства беспомощности и возмущения, разделяя себя и «их».

Вообще, в слове «мы» проскакивает изредка какая-то интонация, напоминающая МЫчание, но тема мелкого рогатого скота уже была и будет много раз затронута и без меня.

И вот теперь хочется туда, где ты будешь весь, куда тебя возьмут целиком. Ты уже знаешь о себе что-то более или менее четкое, и хочется найти тех, кому можно предложить и с кем можно разделить эту свою сформированность. Погрузиться и разделить — все, что тебе приходилось раньше переживать одному. У каждого свой образ «мы» и своя готовность открыться, свои страхи и представления о «духовности» и прочих коллективных переживаниях. (Я, например, боюсь потом не закрыться и остаться выпотрошенным на пустыре, поскольку «мы» не бывает вечным, а кончается так же внезапно, как и начинается.)

Но даже из самого сокровенного «мы» ты хочешь извлечь «ее». Всегда существует надежда встретить ту самую, что нужна для счастья, а где же ее встретить, если не в «мы»? Поэтому «мы», всегда цельное для постороннего взгляда, внутри наполнено разрывающей энергией и желанием уединиться с «ней» на зависть остальным членам общности. Страшно не оставить себе секретов, а секрет существует тогда, когда его можно с кем-то разделить...

Стоит ли бояться возникновения «мы»?

Может, это чем-то похоже на грех, который просто необходимо свершить, иначе потом всю жизнь не за что будет каяться, и жизнь будет прожита зря, если не найти себя друзей и не слиться с ними в определенный промежуток жизни. А может, от этого надо все-таки попытаться бежать, потому что есть опасность опустошиться и не получить ничего взамен отданного тобой самого сокровенного; или, после того, как «мы» распадется, останутся самые близкие, те, кто уцелеет и выдержит все это; может, даже «она» останется с тобой после всего? Или все это столь известный и неуловимый «юношеский максимализм», создающий иллюзорное состояние духовного братства?

Я думаю, нет возможности выбирать: это либо возникает и, как водоворот, увлекает в бесконечную череду событий и отношений, или остается рассказами о похождениях старших братьев и родителей. Наверное, «мы» — это состояние, иногда, возможно, — синоним юности, а не пережив юность, невозможно двинуться дальше. Получается, это неизбежно!?

Ч. по имени Дж. Левинсон

РЕЙС №0

...нас было совсем немного, по пальцам можно всех пересчитать. Мы знали друг друга только по именам... Хотя нет, мы знали друг друга только по названиям. За именем должно что-то стоять: какие-то мысли, эмоции, события прошлого и надежды, направленные в будущее... За именем должно быть очень-очень много всего. А у нас за каждым именем была какая-то совокупность внешних признаков, связанная, как правило, с превратными представлениям о внутренних. Поэтому я и говорю, что мы знали друг друга только по названиям и не более того.

Странно, но однажды случилось нечто. Никто, в общем-то, так до сих пор и не понял, почему оно случилось, но, в любом случае, уже поздно было об этом думать. Это коварное нечто застало нас врасплох, в тот самый момент, когда мы уже смирились с положением вещей внутри и вокруг нас и не ждали каких-то фантастических перемен в лучшую сторону. Может быть, только в худшую... И нельзя сказать, что эти перемены произошли. Нет, все, по сути, осталось, как прежде. Но... Захватившее нас нечто заставило нас ЗАХОТЕТЬ этих перемен. Это не было ни вспышкой в мозгу, ни божественным откровением, ни мифическим озарением, ни банальным инсайтом (спасибо русскому языку за возможность обозвать сотнями разных слов и словосочетаний одно и то же понятие). Просто очень медленно, но с каждым днем все яснее мы осознавали существующую в нас потребность. Оказалось, что каждому из нас необходимо получить имя. Свое настоящее Имя.

Этот аэропорт с единственным самолетом на единственной взлетной полосе стоял здесь, наверное, с самого сотворения мира. И выглядел он точно так же, как любой другой аэропорт. Но все знали о его особенностях: с ходом научно-технического прогресса он неведомым образом самообновлялся, не был подвержен разрушительному влиянию времени и людей. Его тысячи раз исследовали, но результаты заставляли ученых разводиться руками: материал обшивки был абсолютно обычным, а внутрь попасть не было никакой возможности. Как только начинались такие попытки, погода в радиусе нескольких километров менялась фантастическим образом: то начинался невероятно сильный ураган, то страшнейшая гроза, то снежная буря... А если попытки продолжались, самолет исчезал вместе с аэропортом и появлялся вновь на том же месте через некоторое время.

Но среди местного населения жила легенда о том, что люди, способные любить других людей, готовые нести в себе добро и скорбь, веру и сострадание искренне и безвозмездно, могут взойти на борт и возвыситься над миром, чтобы стать чище, прекраснее, сильнее... Говорили, что аэропорт чувствовал таких людей, он оживал, и меняя погоду, сообщал своим гостям о том, насколько трудно им будет взлететь.

Погода почти всегда была отвратительной...

И мало кто решался сесть в самолет...

Мы стояли в аэропорту. Ветер пронизывал нас насквозь. Морось почти не чувствовалась, но мы все промокли до нитки. Всем было ясно, что дальше будет еще хуже. Было страшно идти дальше. Мы стояли. И неизвестно было, на что мы решимся.

А через динамики усталый голос в сотый раз повторял: «Уважаемые пассажиры, объявляется посадка на рейс №0 «Я-Мы»...

Морни

ЕЛКИ, КАКОЙ ПАФОС

Елки, какой пафос, но как интересно! Лежать и думать об устройстве жизни...

Варианты крутятся как белки под колесом. Но как же правильно? Ладно, утро вечера мудреней — посплю, авось пройдет.

На старт! Внимание! Марш!

Все куда-то рванули. Я слегка удивленно посеменял вслед за толпой. Дорога расширялась и сужалась — беги как хочешь. Довольно долго я бежал и радовался, где-то маячил первый поворот. Повернули... Неожиданно я оказался на узенькой полосе большой общей дороги. Вдруг расхотелось бежать и я сбросил ход. Размеренно шагая и напевая песенку я любовался чистым воздухом и вдыхал солнечные лучи. Здорово!

Какой-то человек плелся рядом. «Тоже надоело мчаться?» — спросил я. «Нет, жду второго дыхания» — пояснил человек. Он увидел своих знакомых и побежал к ним. Зачем идти с отстающим?!

Начал моросить дождик, но он был таким теплым и нежным, что ругать погоду было бы подло. Я стал подпрыгивать и похрюкивать от удовольствия. И так забылся, что чуть не снес парнишу, шедшего впереди. Он что-то буркнул — явно неодобрительное, но его тоже перло от всего окружающего. Через несколько шагов я уже покорешился с ним. Мы прошли мимо яблоньки и сорвали себе по парочке аппетитных плодов. Для интереса, мы стали описывать все прелести и недостатки этой дороги, этой природы... Незаметно кто-то подключился к нашему разговору. Потом еще кто-то... И вот уже нас стало довольно много. Все шли и радовались. «Хорошо идем!» — гордо произнес вновь прибывший.

«Идиоты! — кричали мимо пробегающие — ведь не успеете!».

Действительно куда все бегут? Эта мысль застала меня врасплох. Неужели к финишу?! А солнышко? А корешки-попутчики? Яблоки, свежий воздух, дождик... Смысл этой дороги быстрее прийти к финишу? Быстрее, быстрее к черте, не обращая внимания ни на что... Глупо... Мы же не знаем, что за этой чертой. Ну да, какие-то козлы вещали с соседней дорожки, что, мол, все вперед, к финишу, всё будет хорошо после этой черты, только бегите быстрее! Но шли-то эти хитрецы в нашем темпе... Так это ОНИ кричат, что смысл дороги финиш?!

— Что за пургу вы несете?... — спросил я у хитрецов.

— Ты про финиш? Забей, иди своей дорогой, раз знаешь...

Меня это возмутило. Я сказал об этом все нашей компании. Кто-то даже вызвался помочь мне остановить хоть парочку этих бегунов-не-по-своей-воле.

Всем было не до нас — впереди черта! Лишь один притормозил и выслушал меня, пообещав подумать, он рванул дальше...

Я устало махнул рукой. Моя компания почему-то разделилась на пары. Вроде всё оста-

лось прежним, но появились пары. В задумчивости я стал оглядываться, ища её. Она тоже шла одна. Мы обменялись улыбками...

— Уже думал, что не найду тебя... — сказал я.

— Наивный! Мы не тот случай. — весело ответила она. И насмешливо-обиженно добавила про мою скорость поиска.

Вот ведь как просто достичь чувства гармонии...

На финише какие-то люди недовольно посмотрели на нашу компанию. Видать это были судьи, которых придумали бегуны и которые не замедлили появиться. Некоторые бегуны до дрожи в коленях боялись судей, некоторые лишь понимающе кивали, принимая их нелепые оценки, кто-то даже спорил.

Всех попросили дать старт следующему забегу. Теперь даже некоторые отбежавшие объясняли новичкам — не думайте о финише! Дорога это самое святое, и ее смысл — не финиш, а она сама! Сказав все, что считал нужным я...

...Я проснулся.

Теперь хоть что-то стало понятно...

Vissevald

ЗИМНИЕ ДНИ ОФИЦИАЛЬНО ЗАКОНЧИЛИСЬ

« Зимние дни официально закончились, но погода не предвещает ничего хорошего, как и все остальное... Что можно ждать от жизни, если нет какой-то надежды, цели...? Я сижу и смотрю в окно. Сильный ветер, остаток прошедшей зимы. Слабые, как будто нерешительные, капли дождя орошают асфальт. Замерзшие люди бегут с работы домой. У каждого свои заботы, своя жизнь, наверное куда интереснее, чем у меня. Чувство тоски настолько захватило меня, что даже не хочется думать о том, что все это может измениться в лучшую сторону. Да, рядом родители, рядом друзья, которых я знаю с детских лет. Но что-то не то. У каждого свои заботы, переживания. Каждый строит свою жизнь, непохожую ни на чью другую. По одному кирпичику складываются стены их личной жизни. Смотришь на всех и понимаешь, что в моей жизни все не так. Нет этого (того) самого материала, из которого можно сделать фундамент, основу того, что поможет в жизни не сдаваться перед трудностями.

Одиночество. Каждый вкладывает в это слово свое значение, которое подходит только ему одному. Для одного, это один из необходимых жизненных путей, возможность самообретения, время для того, чтобы обдумать все пережитое, понять смысл своего существования, время для понимания того, что в будущем возможно изменить. Для другого это образ жизни. Общение заменяют фильмы, музыка, интернет, домашние задания и, конечно же, книги. Из книг черпается большое количество информации, они заменяют общение с людьми. Такие люди, как мне кажется, черпают опыт из книжек, хотя не уверена, что это так хорошо, книги не смогут в полной мере заменить жизненный опыт.

Мне все чаще приходит мысль, что я не такая. Я не могу обходиться без общения, но и без одиночества не могу. Нет какой-то сложно-неразрешимой ситуации, в которой мне понадобилось бы общение с близкими людьми или одиночество. Что я чувствую? Рядом находятся любящие родители, есть возможность позвонить и встретиться со старыми друзьями, но меня мучает чувство отсутствия кого-то или чего-то. Не хватает нового. Нового и неизведанного, интересного и всепоглощающего, чего-то того, куда можно нырнуть с головой и не думать о том хватит кислорода или нет, потому что ты уже будешь наслаждаться прекрасным, непохожим на другие незнакомый мир... Человеку присуще искать новое, иначе он заикливается на чем-то одном, как я сейчас. Где возможно найти это новое? Я смотрю вокруг и все, в окружающих меня людях, отталкивает от себя. Жизнь однокурсников кажется однообразной, нудной. В их жизни нет ничего, кроме лекций, стандартного набора домашнего задания и своей, индивидуальной жизни, в которой нет места для меня. Нет чего-то необычного, что могло бы заинтересовать меня.

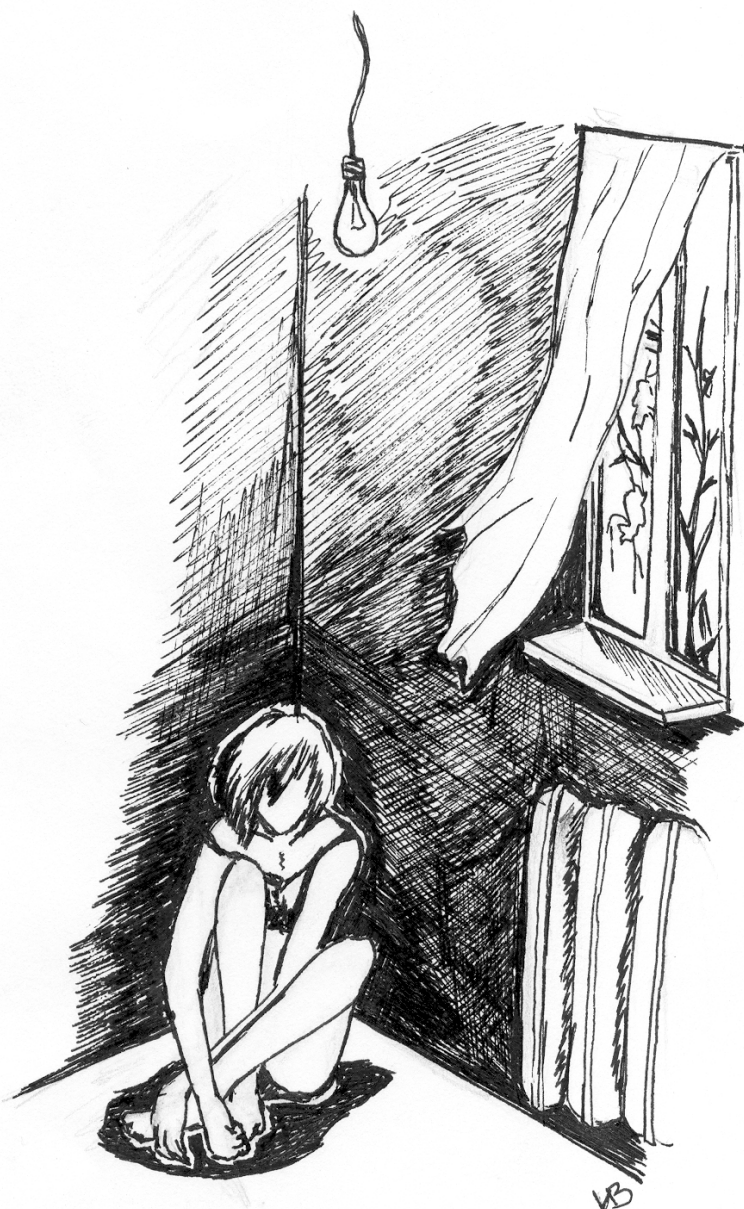
Все вокруг мрачное, такие же и люди за окном, замученные насущными проблемами, которых не интересует окружение вокруг... Тоскливо, очень не хватает солнца. Что может быть хуже тоски от того, что невозможно изменить. Нет стимула, нет положительно заряженной энергии...

март, 2004», переворачиваю последнюю страницу своего дневника. Также, как и несколько месяцев назад сижу за столом. Передо мной стоит рамка с фотографией однокурсников. Все они улыбаются и не только они, среди них стою и я, которая какое-то время назад счи-

тала их недалекими людьми. Что же изменилось? Жизнь не бывает постоянно однообразной. Стоило только проще посмотреть на мир, окружающих; просто пообщаться с окружающими людьми и я поняла, что не стоит искать прекрасное в людях, находящихся далеко, в нашем воображении, в том идеальном мире, который мы порой создаем. Они рядом и неважно, какие у кого недостатки. Идеальных людей нет. У каждого могут быть неприятные жизненные моменты, плохое настроение, но это не значит, что от таких людей нужно отказываться. Каждый человек индивидуален, интересен и привлекателен по-своему. В таких людях можно найти все необходимые сокровища прекрасной человеческой души, которая может подарить тебе свое тепло и поддержку. Мои однокурсники, они же и просто близкие люди, друзья, такие разные. В каждом есть что-то, что дополняет другого. Вот я смотрю на фото, по очереди на каждого и волна тепла, нежности и доброты заполняет и согревает мою душу. Это нельзя описать словами... Такое можно только почувствовать...

Я смотрю в окно, там хорошо и уютно: солнечный день, теплый ветерок ласково шевелит листву деревьев, люди кажутся приветливыми и жизнерадостными. Это новый период в моей жизни. Таких периодов будет множество. Будет множество взлетов и падений... Беру ручку и делаю короткую запись — «Чтобы не случилось, нужно бороться за свое счастье, а счастье находится в людях, окружающих нас; май 2004».

Laguna

ВОРОБЬИ

Медленно открываю глаза...

Свет...

Свет льется со всех сторон, он ослепляет и заставляет поверить в рай на земле. Лучи солнца, похожие на бешеных зайцев, разливаются по всему телу, они скачут, как ненормальные, и мешают собраться с мыслями. А пора бы...

Мысль №1: Куда меня занесло?

С трудом поворачиваю голову и понимаю, что лежу на асфальте в каком-то заброшенном скверике. Вокруг веселятся воробьи: они барахтаются в лужах (благо сейчас весна и лужи этих завались) и обдают меня миллионами сверкающих и переливающихся брызг.

О том, что со мной произошло и почему я лежу в скверике, думать не хочется. Это неприятно. Это вызывает какие-то отдаленные и слегка приглушенные ощущения безумной боли...

Поэтому пока решаю не заикливаться на этом и продолжаю наблюдать за воробьями. Глупенькие птички уже давно заметили мое пассивное присутствие и собрались поспорить, кто из них удостоится чести попрыгать у меня на голове (я же почти не двигаюсь).

Выдвинулся самый смелый и хорохористый парень. Он торжествующе посмотрел на остальных и начал приближаться. Я не тороплюсь. Жду, пока он подойдет к самому носу. Когда это происходит, я делаю искусственный чих. Это такой прием, меня ему еще в детстве научили. Бабушка всегда говорила: «Хочешь обратить на себя внимание людей, чихни и произойдет что-нибудь хорошее...»

Искусственный чих заставляет воробья забыть о своем благородном происхождении и отпрыгнуть далеко назад.

Ох, и гвалт же поднялся! С удовольствием наблюдаю, как в маленьких бессмысленных глазках — бусинках зарождается Страх... Этот страх мешает им улететь, они цепенеют и не могут сопротивляться.

Ловлю себя на мысли, что в другой день мы могли бы замечательно поиграть в салочки, но не сегодня... сегодня почему-то не получалось двигаться...

Замечаю, что в голову настойчиво стучится какое-то воспоминание... Нет сил сопротивляться, поэтому позволяю ему войти. Как только это происходит, на меня обрушивается бесконечный поток... И нет у него имени. У него есть только запах и вкус. Запах страха, отчаяния и боли и вкус крови.

Теперь я помню все.

Помню, как Макс не пустил меня на порог, когда я вернулся с улицы. Как он захлопнул дверь перед моим носом и почему-то выругался. Помню, как ждал его у подъезда... так же ярко, как сейчас, светило солнце, и, наверное, я должен был радоваться и с лаем носиться за соседскими кошками, но я сидел, понуро опустив голову, и тупо ждал.

Когда Макс вышел, я попытался подойти, но он опять выругался. Тогда, по-прежнему ничего не понимая, я поплелся за ним, просто поплелся, потому что не было у меня больше смысла в жизни — только Макс. Когда он спал, я спал тоже, когда он ел — и я хрустел косточками... И вот теперь он шел... и я шел за ним.

По дороге нам попадались разные знакомые: как мои, так и его. Со своими, собаками и некоторыми не оборзевшими кошками, я не хотел разговаривать. Мне нечего было им сказать... а приятели Макса почему-то сами к нему не подходили...

Я ускорил шаг, теперь мы шли рядом. Я хорошо знал, куда он направляется — в метро, чтобы поехать на работу. Я знал его расписание наизусть. Это было частью стратегии: ты не можешь принять чужую жизнь и сделать ее смыслом своей, пока не будешь знать ее досконально. Поэтому каждый день его жизни я проживал, как свой собственный.

Усилием воли я подавил в себе эмоции, грозившие раздавить и намертво пригвоздить к асфальту... и опять ощутил боль. Только теперь она была физической. Болело все: ребра, спина, лапы, но больше всего голова. О причинах этой боли я догадывался, но не знал точно, поэтому предпринял еще одно усилие и стал вспоминать дальше.

Мы шли уже довольно долго. Макс не смотрел на меня и, казалось, вообще не замечал моего присутствия. Это ударило сильнее любой палки. Это разрушало... и поэтому я продолжал идти. Разрушать меня имело право только то, что создавало, а в глубине души я был уверен, что, если сам Макс этого и не делал, то, по крайней мере, он ждал моего появления.

Мы подошли к широкому проспекту. Я боялся машин, поэтому мы всегда переходили дорогу вместе, он держал меня за ошейник. Но сейчас Макс, не останавливаясь и не оборачиваясь, пошел вперед.

И тут я все понял...

Я вдруг до ужаса четко осознал, что, если сейчас не окажусь рядом с ним, он будет для меня потерян, он уйдет навсегда...

Я не знал, почему он так себя ведет, я не знал, о чем он думает, но я был уверен, что это КОНЕЦ.

И тогда я залаял... залаял так громко, как только мог. Я вложил в этот звук все свое отчаяние и любовь...

Первый раз в жизни я сам побежал через дорогу...

Макс был уже на другой стороне, он не посмотрел назад, даже когда я крикнул. Это разозлило — ведь он прекрасно знал, что я боюсь.

Я добежал до разделительной полосы, как загорелся красный свет, и поехали машины. Это было так странно: находиться в центре потоков... как будто я попал в муравейник.

Я стоял и видел спину Макса, смотрел, как он уходит и понимал, что либо сейчас, либо никогда.

Шаг.

Еще один.

Прыжок!

Удар!

Вспышка. Я на короткое время прихожу в себя. Этого хватает на то, чтобы уползти с дороги и попытаться найти место для отдыха.

И вот я здесь...

А где Макс?

Он знает, что мне больно? Конечно, знает, ведь он видел, как меня сбили... он сейчас придет... обязательно... Скорее всего, он сходит с ума от волнения и беспокойства. А я пока полежу здесь, подожду его.

Вот и воробьи перестали замечать мою персону и занялись своими делами. Хорошо быть птичкой: можно подняться высоко-высоко и увидеть сверху Макса...

А когда он меня найдет, мы вернемся домой, и все будет как раньше, ведь он не может существовать без меня, как и я без него...

Медленно закрываю глаза...

Свет...

Настасья

ТРУТСЯ СПИНОЙ МЕДВЕДИ, ВЕРТИТСЯ ЗЕМЛЯ...

Когда лежишь с закрытыми глазами, возникает ощущение, что твою кровать раскручивают все быстрее, слегка изменяя угол вращения (наверное, так тренируют космонавтов). Хочется схватиться за поручни, и крепко держаться — кажется, что кровать грозит встать вертикально. Но вот откуда-то из глубины угрожающе накатывается тошнота, и глаза сами распахиваются: ощущение вращения постепенно затихает, а остается только головная боль, ночное небо и печально-желтый свет фонаря. Я чувствую, как тяжело перекатываются мысли, словно квадратные колеса, стучаясь каждым углом о край головы...

Мама поняла, и папа понял, — да чего тут непонятного? Просто зачем? Ведь я много раз зарекался, соглашаясь, что, конечно, это абсолютно бессмысленно и глупо. Главное — противно. Вот едешь в метро, и кажется, что все видят — такой молодой, а уже свинья, просто подрастающая. А потом такие превращаются в грубых пузатых мужиков, от которых даже с утра воняет перегаром. Ведь я сам знаю: нет ничего хуже, чем утром в душном вагоне вдохнуть такой запах — настроение портится на весь день...

Нехорошо получилось, вернее, опять не получилось хорошо. Ведь они такие классные, я так рад, что судьба свела меня с ними, но зачем же так, чтобы потом было это?..

Ну да, мы стояли вокруг лавочки, и все немного стеснялись друг друга; потом стало холодно, а когда стесняешься и тебе холодно, то от неуверенности выбираешь один, самый грубый и дешевый способ — магазин, где усталые продавщицы готовы обсудить с вялым энтузиазмом прелести дешевых горячительно-отвратительных напитков; а потом исчезает и холод, и стеснение, да как-то все исчезает...

Возникает ощущение, что, словно утяжеленный водолаз, опускаешься на дно. Голову сдавливают, движения становятся медленными и нечеткими, видно плоховато, а голоса остаются где-то далеко, так что слышно с трудом. И остаешься один на один с самим собой, со своей тяжестью, прижавшей тебя ко дну, и внутренней пустотой...

— Зачем ты? — спрашивает меня мама.

— Да, понимаешь, холодно... Нет, правда, было здорово. Я очень люблю общаться с ними, и... я просто переборщил, так бывает, ведь у тебя тоже так было, ну хоть один раз-то?! Ну ладно. Да, у меня уже не один. Но это было так замечательно — мы потом встали в круг, представляешь! Вот взяли все, обнялись и встали, потому что всем было хорошо друг с другом. Было так хорошо, что вот, мы все вместе здесь, романтично и душевно, даже искренне, честное слово. Да, мама, я — романтик. А романтика, как видишь, требует жертв. Почему, помню, конечно, с кем стоял рядом. Я стоял рядом с одной девушкой, я тебе о ней много рассказывал, и вот сегодня мы случайно очутились рядом, когда встали в круг... Что? Где-где, во дворике...

Кто здесь не бывал, кто не рисковал, тот сам себя не испытал...

Дворик — важная часть университета. Трудно представить их друг без друга. Если тебе надо поговорить с человеком — так, не на перемене, а серьезно, или если ты хочешь познакомиться с тем, кто не может заметить тебя в «процессе обучения», или просто душевно

поболтать, — ты идешь туда: прямо от главного входа, через лабиринт дорожек, мимо манящих магазинчиков, к детской площадке с лавочками, огороженной домами-ширмами. Тут можно и на людей посмотреть, и себя показать...

Это место чем-то напоминает описание «внутренней Монголии» у Пелевина: на полянке сидят группки самых разных людей, только вместо костров их объединяют лавочки. Они о чем-то говорят, иногда громко смеются, иногда орут какие-то всем знакомые песни, а в центре полянки играют в песочнице дети. Здесь есть любимые лавочки, более закрытые от посторонних взглядов, есть те, что не очень уютны — на них располагаются только если все остальные заняты; есть грязные, с лужами, есть с урной и без...

Поначалу я ходил во дворик, чтобы выпить. Была даже почти присказка, что со двора не возвращаются трезвым (если возвращаются). Вот так сядешь с ребятами, разольешь по прозрачным пластиковым стаканчикам дрянь какую-нибудь, выпьешь друг за друга и за прекрасных дам (которые не с нами или в нас не нуждаются), а потом наступает время дискуссий, споров и обсуждений. Темы принимаются любые: от глобализации и любимых книжек и фильмов до потери или приобретения невинности... (Так вот ты где, «Россия сегодня»! Ну какая, скажите мне, «Россия» может быть за круглым столом, да еще и «сегодня»?)

Тут изредка появляются даже те, кого зовут «ботанами». Кому не хочется почувствовать себя свободно, вдруг ощутить себя не совсем человеком — чем-то не слишком скованным социальными рамками и нормами приличий? Конечно, это связано с риском перебрать, но здесь прощают всех. Во дворике набирают грехи, а не искупают их.

Пить как бы не обязательно, но раньше я был знаком со всеми плохо, а состояние опьянения может скрыть стеснительность, да и чувствуешь себя отвязней и круче. Дескать, вот какой я, когда выпью: и так могу, и эдак, и пописать за гаражом у всех на виду, и собачку прикормить, и нетрезво высказывать трезвые суждения, и в руках себя держать... (могу?). Потом, правда, бывает ощущение некоторой подавленности, но светлое чувство от новых друзей нет-нет, да и проглянет сквозь мутное стекло бутылки.

Папа был прав, папа был прав!..

— Ты опять сегодня прогулял занятия и всю ночь говорил по телефону. Что с тобой происходит? Не знаешь? А я знаю: переиерархизация мотивов у тебя, вот что... — я даже поперхнулся, а мама села за стол и стала плакать. — Вот отец вернется, он тебе устроит! Он тебя живо заставит все прекратить. Ты посмотри на себя: глаза красные, ночами не спишь, больше ничем не интересуешься, кроме этих своих, из двора...

— А потом вдруг пить стало не нужно (по крайней мере, так много, как раньше), а захотелось чего-то качественно нового. Захотелось поделиться тем, что было внутри до встречи с этими людьми, тем, что я так привык внутри себя противопоставлять остальным — чуждым и враждебным. Ведь если человек прочел твою любимую книгу, то вы пережили нечто похожее, одно приключение на двоих, и теперь это вас объединяет. Вот бредешь по родному зданию университета и встречаешь человека, который только что, как и ты, был Доном Руматой, или Питером Хегом, или еще кем-то, и так хочется спросить его: «А помнишь, друг, как мы эту серость?!» А он усмехнется и скажет: «Ну конечно помню! А скоро я принесу тебе свою любимую книгу, и тогда мы еще и этих...» Понимаете, о чем я?

— Ну конечно, я понимаю! Это правда очень захватывающе! — а сам такой добрый-добрый. Пришел, значит, к нам! Еще бы белый халат надел. Папа с мамой смотрят на него, как на спасение, аж тошно. А я лежу на диване и распинаюсь перед ним, как перед лучшим другом, а он все кивает и улыбается. Я тогда говорю:

— Не буду заполнять ваши тесты отвратительные. Если хотите, могу рассказать, не хотите — не надо. У меня разговор теперь короткий. Все! — а сам лицом повернулся к стенке и молчу. Пусть этот тип сам выкручивается, как знает. И он таким голосочком приятным: «Ну, о чем речь!? Мы не будем ничего заполнять, я с удовольствием тебя послушаю. А ты вот про

дворик говорил... Давай ты попробуешь нарисовать всех своих друзей во двореке. А пока рисуешь, будешь продолжать рассказывать, идет?

Чую, подловил меня гад. Рисовать я ужас как люблю, а он еще с собой карандаши такие классные принес — ну, я и клюнул. Думаю, может, для нашей газеты иллюстрация пригодится. Рисую нас всех во двореке, лавочку нашу, и рассказываю...

— И безумно хочется им ответить, но я ничего не написал. Не могу, до сих пор. Я даже придумал название своему состоянию: «творческая импотенция». И все относится ко мне, как к больному. Встретят и спрашивают, как я, ничего ли еще не написал, а есть ли у меня задумки, скоро ли меня выпишут, ну только фрукты не носят — просто осень, наверное. И, с одной стороны, приятно ужасно, что все о тебе волнуются, — значит, верят, что внутри-то все-таки у этого парня все есть, просто проблемы навалились; а с другой — страшно: а вдруг я не смогу так, как они? Неужели не смогу им открыться, дружить с ними на равных, по честному? Ведь вот этот момент встречи с людьми, интересными и близкими, и в самый «момент истины» раз — и как отшибло...

Помню только, что последнее ему рассказал про то, что стало очень важно с ними встречаться каждый день.

— Стало даже важнее постоять вместе, чем идти на лекцию, если надо это делать прозрачно. И вы бы видели, как мама с папой обиженно закивали — как будто это я к ним на лекцию не хожу. Так здорово: стоишь в прокуренном туалете, в окно задувает осенний ветер, а в рюкзаке у тебя лежит что-то такое, что написал твой друг. И хочется сразу забыть обо всем и прочесть, но не стоит торопиться. Лучше сесть дома, в спокойной обстановке, и вечером прочесть...

Вот так я ему рассказывал, и он все улыбался, а потом говорит: «Ну, тут все ясно. С мотивами, это вы, маманя, ложную тревогу подняли, ваш мальчик просто пал жертвой тесного общения. Это, как говорится, случается, когда такие, гм... духовные дети собираются вместе. Кто-нибудь один обычно съезжает. Бывает, что и не один, а все. Мы с таким постоянно сталкиваемся. Нет, волноваться не надо. Ухо его левое видите? Да, красненькое. Что, уже обрезали провод у телефона? Правильно, а мобильный отобрали? Ну, вы абсолютно адекватны! Дача где-нибудь далеко у вас есть, где цивилизации поменьше? Изолируете мальчика, а то он переволновался от наличия коллективной жизни. Нет, друзья не виноваты. Излишняя впечатлительность и гиперответственность, так сказать. Отсюда и его злополучная творческая... вот да. Посидит один некоторое время, и все будет хорошо, вы только не медлите, а прямо сейчас его...»

Ч. по имени Дж. Левинсон

Рисунок Виктора Меламеда

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА...

Любовь является, пожалуй, самым высоким и прекрасным чувством на земле. Любовь к родине, к близким, к своему ребенку, к своей второй половинке... Разве можно представить без этого жизнь человека? Конечно же, нет, да это было бы, пожалуй, очень глупо.

Столь высокое чувство правит нами, простыми смертными людьми. Конечно же, человек не может родиться уже владеющим столь сложным искусством. Чувство любви, настоящей, искренней, глубокой приходит только с годами. Набирая опыт, человеку приходится отказываться от многого, иногда даже жертвовать другими людьми. Но это жизнь... И люди должны уметь как выигрывать, так и проигрывать в этой сложной, жестокой игре.

По неровным дорогам жизни нам помогают идти друзья. Друзей хороших не должно быть много, достаточно нескольких, но настоящих. Друг — половинка тебя, которая готова оказать поддержку в трудной ситуации, поднять настроение и не дать тебе раскиснуть окончательно от повседневных проблем. Быть хорошим другом очень сложная и ответственная профессия, хотя, скорее всего, это можно назвать призванием. Ведь друг, это не тот, кто находится постоянно рядом и твердит о своей дружбе, преданности и любви.

Человек может общаться со многими людьми, видится с ними в течении всего дня, а настоящий друг может быть очень далеко, совсем в другой стране, разговаривать на иностранном языке, также общаться с множеством других людей. Но настоящих друзей будут объединять длинные письма, написанные немного неровным подчерком, в конце затянувшегося рабочего дня, которые оказываются очень редкими, но долгожданными гостями в почтовом ящике. Пусть эти люди видятся несколько раз в год, или намного реже, но образы друг друга и моменты, проведенные вместе, будут всегда в памяти. Неважно, если чернила в письме с годами выцвели, а бумага стала затертой и если смотреть, то можно заметить легкие отпечатки пальцев, главное, что чувство любви к друг другу бедет расти и становиться все крепче и крепче.

Любить и уважать своих друзей дано не каждому человеку. Этому ремеслу нужно учиться, учиться упорно и долго, иногда изменяя себе и свои жизненные ценности и позиции.

Пусть друг иногда не поддерживает твою точку зрения, проявляет агрессивность или даже нейтральность к твоей проблеме. Но ведь друг — это такой же человек, у которого есть проблемы и своя индивидуальная жизнь, поэтому надо уметь терпеть и в какие-то моменты дать возможность побыть другу наедине со своим внутренним миром. Но это не значит, что время, проведенное без близкого человека, не пройдет бесцельно, наоборот, появится возможность понять реальные отношения к своему другу, ощутить в полной мере, насколько он является значимым и дорогим в твоей жизни.

Что же можно понять в такие моменты?

В моменты, проведенные без друга, могут возникнуть чувства, которые раньше считались совсем неуместными в их ситуации. Любовь...

Понятие любовь включает в себя совокупность многих высоких чувств. К данной совокупности можно отнести так же заботу о родном и близком человеке, отзывчивость, душевную теплоту, способность к сочувствию, уважению. Но встает большой вопрос: могут ли люди отделить дружбу от любви? Ведь многие об этом даже никогда не задумывались. Конечно же, бесспорно, и в любви должны присутствовать элементы дружбы, а дружба основывается на привязанности к человеку, которая впоследствии перетекает в любовь. Каждый должен уметь верно, и вовремя распознать границу между любовью и дружбой.

Djulija

МЫ...

Любимая развлекуха многих — мы это мы, они это они. И мы не пересекаемся. Любимая тема «элиты»: мы — элита, остальные — народ. Любимая тема народа: мы народ — виновата элита.

Пересечение тончайших нитей горячих градусов, готовое заявить о себе в момент опьянения собственным эмоциональным напряжением на весь мир, и готовое забыть обо всем, что было, после того, как сузились сосуды. Вакханалия собственной борьбы между мыслями, убегание от смыслов и бессмыслий. Уверенные крики о том, какой я есть для вас всех, что я вам несу. Душевные обиды от неверующих в ваши догмы, смеющихся над вашей позицией идти до конца и не нарушать свои принципы... Равнодушие по отношению к фраерам и лохам, которых сама судьба велела кинуть... Пышные речи и добродушие, юмор и отзывчивость. Уверование в самого себя — как в действительно хорошего человека. Ощущения значимости моментов общения и своей несомненной причастности... Канализация своего говна в адрес тех, кто уже давно кажется своим, кто тебя никогда не бросит насовсем, кто сделал тебя неотъемлемой частью своего мира.

Нервная затяжка своей жизнью... Мировоззренческий дальтонизм... Фаза быстрого сна... Гормональный детерминизм...

Прямой эфир с поля жизни мало кому удастся. Большинство впечатлений — ретроспективны. Поэтому все боятся старости — никто не сумел грамотно продумать свою старость и выложить ее на бумаге, никто не передаст ее так же ярко как свою прошедшую молодость. Для нас она блекла, далека и противна. Для Мы более актуально смеяться над собою маленьким, над школой. Вспоминать хорошее и удивляться плохому: разве это проблемы?! Ха!...

Безумный поиск друзей. Многие, попавшиеся и позволяющие вешануть на них ярлык, становятся объектом нашего пристального внимания. Мы хотим раскрыться другим и боимся пострадать от этого. Переживаем это весьма глубоко, нервничаем, открываемся и страдаем от этого. Может быть, нам не следует стремиться избавиться от всех комплексов? Может быть, нужно предварительно забрать из них все логичное, а потом списывать? Я не знаю, но Мы должны это знать. Так, чисто ради прикола — авось в полтинник ласты не склеим от потрепанных нервишек. А друзей хоть много и не бывает, но искать нужно.

Я — один, Мы — два, Они — три. Если вместить свое Я в Мы, то Они задавят нас. Про одно только Я и говорить не приходится. Каждый должен быть и Я и в Мы одновременно. Так легче выжить.

Ребята сидели на завалинке, курили и смеялись, потом курили и грузились, потом взяли пиво и догнались. Веселье закончилось, они распрощались и поехали искать другие завалинки. Местечки, где будут практически те же ребята, где будут курить и пить. Может быть, изменятся лишь имена этих ребят, но разве это важно? Нет! Лишь редко-редко будут возникать мысли, во время приступов безудержного и беззаботного груза, а Мы ли это, есть хоть

одна завалинка, где собираемся Мы? Эти мыслишки будут спешно загоняться в подвал сознания, в бараки слишком умных идей, будут подчинены тоталитарной идее безответственного пофигизма, для того чтобы набраться стойкости и силы, для того чтобы изничтожить этих ребят, не сумевших создать хоть маломальское МЫ.

Vissevald

СТАДИЯ КУКОЛКИ...

Я гусеница. Маленькая, незаметная и мало кому известная, противная и к тому же абсолютно черная гусеница. <...> Откуда я? Не помню. <...> Что я умею? Ползать, листики жевать, если доползу. <...> Чем я занимаюсь? Ползаю и жую. <...> Чем интересуюсь? Листиками. <...> Что значит «и все»? Да, все. А что еще ожидать от гусеницы? <...> Чего мне не хватает? <...> Духовности? А что это? <...> Ну, вот когда узнаешь, тогда и будешь говорить. <...> Говори потише, у меня от твоего крика уже все тело ломит. И хватит на меня плевать! <...> Как, как... Живу вот, значит, как-то можно. <...> Да что ты заладила со своей духовностью? А тебе самой ее хватает? <...> Вот, ты даже этого не знаешь, а еще на меня плюешься.

<...> Нет, это с тобой разговаривать невозможно. Ты какая-то агрессивная. <...> Правильно, успокойся. Только для этого

тебе лучше исчезнуть. Глядя на меня, ты вряд ли успокоишься, я так чувствую. <...> Да ладно, не стоит извиняться. <...> Да я знаю. Ты всегда этого хотела. Это ж не первая твоя попытка. Небось, и не последняя <...> Да нужно, наверное. Не все ж только ползать да жевать... <...> Жизнью? Ты же знаешь, как я живу. Конечно, нет... И разве ты забыла? Я скоро стану куколкой. Опять эти мучения. И все из-за тебя.

Помнишь, как это было в первый раз? Конечно, помнишь. Как тошно мне тогда стало от осознания того, что я гусеница! Мне вдруг захотелось чего-то другого, чего-то... что я не мог даже назвать. Меня крутило и корежило. Меня распирало и разрывало изнутри. Я мало ел. И спал тоже мало. Все желания затмились одним единственным. Но я не мог его понять. Я замкнулся. Я сделался больным. Отстраненным. Равнодушным. И даже озлобленным на тех, кто окружал меня. Сколько времени прошло так? Я не помню. Плохое часто забывается.

Помнишь, как меня выворачивало наизнанку? Меня рвало мыслями, чувствами, памятью... И все это, непереваренное и от того еще более гадкое, предстало передо мной во всей своей мрачной и жестокой красе. Мне стало страшно. Особенно страшно от того, что я не понимал, что происходит со мной. Я и рад был повернуть назад, но уже не имел такой возможности. Мне пришлось копаться во всем этом, морщась от отвращения к себе. И чтобы было удобнее, я инстинктивно слепил свой первый кокон. Я погрузился в него. Закрылся в нем. Так легче было все исправить, разобраться во всем... изменить все. Сколько сил было потрачено! Сколько сил... Но!

Помнишь, каким я выбрался из своего кокона? Я стал тобой. Да, первый раз прошел, как вспышка. Я даже не успел толком прочувствовать все изменения, как снова стал гусеницей. Но с тех пор ты жива во мне. Мне по-прежнему тошно быть собой, но теперь я знаю, что если очень сильно захочу, то смогу стать тобой. Я знаю, как это тяжело. Но знаю и то, что ждет меня. Знаю цену этим усилиям.

Я уже сказал, что скоро снова стану куколкой. И знаешь, я рад этому...

Морни

ПРИРОДНЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ, КУЛЬТУРНЫЙ

ФРАГМЕНТ РЕЛЬЕФНОЙ ПЛИТЫ
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТРЕХГОЛОВОГО ДЕМОНА
ОРВЬЕТО, НАЧАЛО V В. ДО Н.Э.
БЕРЛИН, ГОС. МУЗЕЙ, АНТИЧНОЕ СОБРАНИЕ

ГЛИНА